Струве, П

Идеи и политика в современной России

М. 1907

А. № 9.

Изданіе „Народное право“.

Петръ Струве.

ИДЕИ И ПОЛИТИКА

ВЪ СОВРЕМЕННОЙ

РОССІИ.

Цѣна 6 коп.

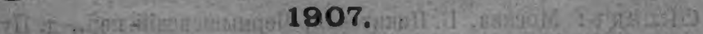

МОСКВА.

Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.

Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.

1907.

Книгоиздательство „НАРОДНОЕ ПРАВО".

Сер. А. № 1. **Ѳ. Кокошкинъ.** Объ основаніяхъ желательной организаціи народнаго представительства въ Россіи. Ц. 20 к. № 2. **Ѳ. Кокошкинъ.** О правахъ національностей и о децентрализаціи. Ц. 10 к. № 3. **А. А Чупровъ.** Конституціонно-демократическая партія и соціализмъ. Цѣна 5 коп. № 4. **М. Герценштейнъ.** Земельная реформа въ программѣ партіи Народной Свободы. Ц. 10 к. № 5. **М. Герценштейнъ.** Аграрный вопросъ. Ц. 35 к. № 6. **Г. Ф. Шершеневичъ.** Аграрный вопросъ. Ц. 10 к. № 7. **А. Кауфманъ.** Земля и культура. Ц. 30 к. № 8. **А. Кауфманъ.** Переселеніе. Ц. 10 к. № 9. **П. Б. Струве.** Идейныя основы партіи К.-Д. Ц. 6 к.

Сер. Б. (Изданія для народа.) № 1. **Н. Р.** О свободѣ личности. 2-е изд., ц. 1 к. № 2. **И. П. Бѣлоконскій.** Что такое земство, что оно сдѣлало для народа и какимъ должно быть. 2-е изд., ц. 5 к. № 3. Какъ управляются народы въ Россіи и другихъ странахъ. 2-е изд., ц. 3 к. № 4. **И. Н. Игнатовъ.** Беранже. Ц. 10 к. № 5. **Т. Н. Львовъ.** Какого слѣдуетъ держаться порядка при производствѣ выборовъ народныхъ представителей. 2-е изданіе, ц. 5 к. № 6. **Т. Н. Львовъ.** Что такое избирательное право, и какъ должны производиться выборы. 2-е изд., ц. 2 к. № 7. **А. А. Титовъ.** Мировые судьи и земскіе начальники. 2-е изд. Ц. 3 к. № 8. **А. Курсановъ.** Какъ русскій народъ управлялся въ старину. Ц. 2 коп. № 9. **И. Н. Игнатовъ.** Гарибальди. Ц. 10 к. № 10. Крестьянамъ и рабочимъ о партіи Народной Свободы. Ц. 2 к. № 11. **И. М. Катаевъ.** Стенька Разинъ. Ц. 6 к. № 12. **П. Муратовъ.** Борьба за избирательное право въ Англіи. Ц. 15 к. № 13. О чиновникахъ и народномъ правленіи. Ц. 3 к. № 14. **Е. И. Боголюбовъ.** Спартакъ. Ц. 5 к. № 15. **Ю. Баршевъ.** Крестьянское малоземелье и способы борьбы съ нимъ. Ц. 5 к. № 16. Евреи въ Россіи. Ц. 6 к. № 17. **Шпирельманъ.** Земельная реформа въ Ирландіи. Ц. 5 к. № 18. **Т. Н. Львовъ.** Учрежденіе Государственной Думы. Ц. 5 к. № 19. **В. Е. Якушкинъ.** Декабристы. Ц. 5 к. № 20. **Ѳ. Кокошкинъ.** Областная автономія и единство Россіи. Ц. 2 к. № 21. **М. Фридманъ.** Доходы и расходы русскаго государства. Ц. 8 к. № 22. **Г. Ф. Шершеневичъ.** Программа партіи Народной Свободы (конституціонно-демокр.) въ общедоступномъ изложеніи. Ц. 5 к. № 23 **Г. Ф. Шершеневичъ.** Народные представители. Ц. 4 к. № 24. **Г. Ф. Шершеневичъ.** Конституціонная монархія Ц. 5 к. № 25. **Н. Шкляръ.** Къ земельному вопросу (націонализація земли). Ц. 5 к. № 26. **К. Сивковъ.** Какъ можно рѣшить рабочій вопросъ. Ц. 2 к. № 27. **М. Я. Герценштейнъ.** Нужна ли крестьянамъ земля? (Изъ преній въ Государственной Думѣ.) Ц. 5 коп. № 28. **В. Е. Якушкинъ.** Въ Государ. Думѣ о землѣ. Ц. 3 коп. № 29. Засѣданіе Государ. Думы 8-го іюня (о погромахъ). Ц. 4 коп. № 30. **Рыкачевъ.** Вопросъ о смертной казни въ Государственной Думѣ. Ц. 4 коп. № 31. **Д. Д. Протопоповъ.** Что сдѣлала первая Госуд. Дума. Ц. 5 к. № 32. **Н. П. Дружининъ.** Мѣщане, ихъ положеніе и нужды. Ц. 4 к. № 33. **Н. П. Дружининъ.** Мѣщане и земельный вопросъ Ц. 4 к.

Листки. **В. Ермиловъ.** Вопросы и отвѣты о выборахъ народныхъ представителей. Цѣна за сотню 40 к. О свободѣ печати. Цѣна за сотню 50 к. О манифестѣ 3-го ноября. Цѣна за сотню 80 к. Списокъ книгъ, рекомендованныхъ партіей Народной Свободы. Ц. 1 к.

Складъ: Москва, Б. Никитская, Чернышевскій пер., д. Пустошкина, кв. 26 (*денежную* корреспонденцію *обязательно* направлять на имя Ю. Г. Топорковой по адресу склада).

Идеи и политика въ современной Россіи[1]).

Милостивыя государыни и милостивые государи!

Тема, которая задана мнѣ, представляетъ значительныя трудности: она чрезвычайно широка, и въ то же самое время неизбѣжно всякій, читающій на эту тему, вынуждается самымъ ся характеромъ вносить въ ея обработку значительную дозу субъективности. Тема эта не ограничивается исключительно вопросами программы, ибо идейное основаніе дѣятельности всякой политической партіи опредѣляетъ собою не только программу, но и самый способъ дѣятельности партіи. Вообще раздѣленіе вопросовъ на программные и тактическіе имѣетъ въ немалой мѣрѣ значеніе условное. Есть такіе вопросы тактики, которые неразрывно связаны съ общимъ міровоззрѣніемъ, на которомъ должна быть построена программа, и, съ другой стороны, изъ извѣстныхъ программныхъ идей неизбѣжно слѣдуютъ извѣстные методы дѣйствій... Но, конечно, нельзя не признать, что въ извѣстномъ смыслѣ политическая программа всякой партіи можетъ имѣть различныя идейныя предпосылки — отсюда неизбѣжно вытекаетъ тотъ субъективизмъ, о которомъ я уже сказалъ. Одинъ партійный дѣятель программу и тактическую позицію нашей партіи будетъ утверждать на одной философіи, другой будетъ ее обосновывать на другой философіи. Однако этотъ субъективизмъ конечнаго обоснованія безспорно имѣетъ свои предѣлы, и какъ ни разнообразны могутъ быть философскія міровоззрѣнія отдѣльныхъ членовъ партіи, какъ ни различны могутъ быть оттѣнки не только философскихъ, но и религіозныхъ воззрѣній отдѣль-

[1]) Докладъ, прочитанный въ московскомъ клубѣ партіи 20 октября 1906 г. Печатается по стенограммѣ, исправленной мной. Характеръ живой рѣчи вездѣ намѣренно сохраненъ. П. С.

ныхъ членовъ партіи, эти различныя мнѣнія неспособны устранить тождественность нѣкоторыхъ руководящихъ идей, идей, я сказалъ бы, *соціологическихъ*, которыя лежатъ въ основѣ всего нашего пониманія политическаго и соціальнаго развитія. Тѣмъ не менѣе я заранѣе долженъ предупредить, что въ томъ рядѣ идей, который буду развивать я, заключается значительная доза несомнѣнно неизбѣжнаго субъективизма.

У меня есть совершенно опредѣленное философское и соціально-политическое міровоззрѣніе, и къ тѣмъ взглядамъ, которые дѣлаютъ изъ меня члена конституціонно-демократической партіи, я пришелъ, какъ и всякій изъ насъ, своимъ особымъ, личнымъ путемъ, и этотъ путь развитія моихъ воззрѣній долженъ отразиться на обработкѣ той темы, о которой я хочу говорить.

Нашу партію я хочу охарактеризовать передъ вами цѣлымъ рядомъ опредѣленій: только изъ совокупности этихъ опредѣленій вытекаетъ полная характеристика партіи.

Партія народной свободы есть партія *либеральная* — она отстаиваетъ свободу личности, гражданскія права и широчайшее самоуправленіе. Она есть партія *демократической конституціи* и она есть партія *демократическихъ соціальныхъ реформъ*. Всѣ эти различныя опредѣленія нашей партіи, я думаю, въ умѣ каждаго изъ насъ сливаются въ одно стройное единство пониманія задачъ и способа дѣйствій.

Существенное отличіе нашей партіи отъ извѣстнаго типа партій, стоящихъ налѣво и направо отъ насъ, заключается — это уже многократно подчеркивалось въ ходѣ всей нашей агитаціонной кампаніи, предшествовавшей выборамъ въ первую Государственную Думу — въ томъ, что наша партія есть партія *не классовая*. Это не значитъ, чтобы наша партія отрицала всякое значеніе классового дѣленія, классовой борьбы, классового самосознанія, но и поверхъ классовыхъ дѣленій, надъ ними, и въ глубинѣ, подъ ними она находитъ интересы и идеалы общечеловѣческіе. Носительницей этихъ общечеловѣческихъ идеаловъ въ исторически данныхъ условіяхъ жизни отдѣльныхъ народовъ, по идеѣ нашей партіи, должна и можетъ являться цѣлая *нація*.

Такимъ образомъ классовымъ партіямъ наша партія противопоставляетъ себя, какъ партію *національную*. Партія

національная не въ смыслѣ отстаиванія интересовъ какой либо одной привиллегированной народности, хотя бы и той народности, которая заложила основы самому бытію нашего государства, а въ смыслѣ идейно-государственномъ, въ смыслѣ признанія того, что интересы отдѣльныхъ лицъ и классовъ необходимо объединяются въ одномъ высшемъ идеальномъ интересѣ, интересѣ государства. Итакъ, отмежевываясь отъ партій, подчеркивающихъ идею классовую, мы опираемся на идею націи въ государственномъ и правовомъ смыслѣ.

Понятія класса и націи суть одинаково не непосредственно данные факты во всей ихъ конкретности. Они — продуктъ идеальнаго синтеза. Въ непосредственно данной дѣйствительности существуютъ, какъ солидарныя единства, лишь отдѣльныя, въ сущности мелкія, профессіональныя группы населенія. И какъ только мы выйдемъ за предѣлы этихъ группъ, и даже въ ихъ предѣлахъ мы встрѣчаемъ столкновеніе самыхъ разнообразныхъ интересовъ. Даже если мы возьмемъ рабочихъ одной и той же фабрики, и то мы все-таки можемъ наблюдать столкновеніе интересовъ внутри такой, повидимому, совершенно солидарной группы. Точно также рабочіе одного производства въ различныхъ мѣстахъ могутъ имѣть различные интересы, которые при иныхъ условіяхъ *неизбѣжно должны* вступать въ столкновенія. Изъ столкновеній интересовъ различныхъ профессіональныхъ группъ населенія, и притомъ именно группъ трудящихся, можно бы было нарисовать чрезвычайно внушительную и пеструю картину, которая часто не представляется, какъ реальная картина, тѣмъ, кто постоянно твердитъ лозунгъ „классовой борьбы“.

Изъ этой пестрой картины, путемъ послѣдовательнаго отвлеченія отъ конкретныхъ условій и интересовъ, образуется синтетическое идеальное понятіе класса.

Мы всегда должны помнить, что это якобы реалистическое понятіе есть такое же идеальное понятіе, какъ то, которое мы ставимъ во главу угла нашей программы — какъ понятіе націи. Только нація есть — по сравненію съ классомъ — понятіе высшаго порядка, есть высшее обобщеніе. Но если мы зададимся мыслью о томъ, какая же философская идея лежитъ въ основѣ соціализма, какъ практически-политическаго построенія, то мы увидимъ, что смыслъ и соціализма заключается,

конечно, не въ борьбѣ классовъ, а въ творческомъ объединеніи и согласованіи производительныхъ силъ всей націи (а, въ дальнѣйшемъ расширеніи,— и всего человѣчества) въ интересахъ всесторонняго развитія *личности*. Эта идея личности, которая есть основаніе идеала либерализма, въ нашемъ представленіи неразрывно сплетается и должна сплетаться съ идеей общественнаго самоуправленія, съ идеей творческаго объединенія и согласованія всѣхъ производительныхъ силъ націи. И потому, съ нашей точки зрѣнія, между либерализмомъ и соціализмомъ, понимаемымъ въ такомъ смыслѣ, нѣтъ и не можетъ быть никакого основного противорѣчія, если понимать и тотъ, и другой, и либерализмъ, и соціализмъ, въ реально-политическомъ, а не въ доктринально-утопическомъ смыслѣ.

Реально-политическое пониманіе и того, и другого есть въ то же время и единственное пониманіе идеалистическое. Истинный либерализмъ требуетъ всесторонняго развитія личности въ самомъ широкомъ ея своеобразіи, во всемъ возможномъ богатствѣ ея проявленій.

Идеальному понятію либерализма противостоитъ понятіе либерализма доктринальнаго, застарѣвшаго и окаменѣвшаго. Таковъ, напримѣръ, либерализмъ старой доктрины, который во имя мнимой свободы личности отрицалъ рабочее законодательство, отвергалъ подоходный налогъ и вообще все то, что мы называемъ именемъ соціальныхъ реформъ, все то, что имѣетъ своей цѣлью поднятіе трудовой личности. Съ другой стороны, соціализмъ доктринальный громко провозглашаетъ отрицаніе принципа частной собственности, что есть тоже безсодержательная фраза, изъ которой, если вдуматься въ реальный ея смыслъ, не выкроишь ни одному нагому ни малѣйшаго клочка одѣянія, которой не накормишь ни одного голоднаго. Такому доктринальному пониманію соціализма нами должно и можетъ быть противопоставлено пониманіе реально-политическое, живое и жизненное. Вотъ почему въ нашей партіи могутъ быть и работать убѣжденные соціалисты, хотя доктринальнаго лозунга соціализма она и не написала на своемъ знамени.

Соціализмъ въ настоящее время долженъ бы уже перестать быть той сакраментальной формулой, на основаніи которой опредѣляется доброкачественность человѣка, его привержен-

ность къ извѣстнымъ идеаламъ реально осуществляемымъ политикою. А съ другой стороны соціализмъ долженъ бы перестать быть тѣмъ пугаломъ, какимъ онъ былъ прежде. Ибо въ настоящее время, въ началѣ XX столѣтія, послѣ всего того огромнаго опыта, соціальнаго и политическаго, который имѣетъ теперь человѣчество, послѣ той громадной идейной работы, которую оно совершило, слово и понятіе „соціализмъ" можетъ смущать и пугать только, какъ бы выразиться деликатнѣе, только... старыхъ и слабонервныхъ дамъ обоего пола.

Тутъ возникаетъ одинъ конкретный вопросъ, который занимаетъ извѣстное мѣсто въ междупартійной полемикѣ. Часто говорятъ, что наша партія не имѣетъ будущности именно потому, что она не имѣетъ классового основанія. Это возраженіе мнѣ много разъ приходилось слышать на агитаціонныхъ собраніяхъ. Между тѣмъ, оно не имѣетъ подъ собою никакой фактической основы. Фактическая и историческая несообразность этого мнѣнія прямо бросается въ глаза. Мы знаемъ, какіе различные классы и какіе различные элементы объединяетъ въ настоящее время самая могущественная радикальная и либеральная партія, т. н. „либеральная" партія въ Англіи. Мы знаемъ, какіе различные элементы народа на конфессіональномъ, вѣроисповѣдномъ началѣ объединяются партіей центра въ Германіи. Мы знаемъ и всѣ знаютъ, что самая могущественная партія во Франціи — партія объединенныхъ радикаловъ и радикаловъ-соціалистовъ, въ которую входятъ самые разнообразные слои населенія. Поэтому утверждать, что наша партія никакой будущности не имѣетъ потому, что она не построена на классовомъ основаніи, значитъ закрывать глаза на самые очевидные и самые неоспоримые факты политическаго развитія современныхъ культурныхъ государствъ. Между тѣмъ, это мнѣніе о непрочности партіи широко распространено и въ нѣкоторыхъ нашихъ партійныхъ кругахъ. Въ нѣкоторыхъ партійныхъ кругахъ часто тоже слышится нота, что наша партія есть вынужденный обстоятельствами времени, непрочный блокъ.

Я долженъ сказать, что этой точки зрѣнія я совершенно не раздѣляю. Если наша партія окажется временнымъ, непрочнымъ блокомъ, то это обстоятельство докажетъ, на мой взглядъ, только одно: культурную и политическую незрѣлость извѣстной

части русскаго общества. Ибо на самомъ дѣлѣ, что мы видимъ въ политически развивающихся и прогрессирующихъ странахъ? Тамъ общественное развитіе неизбѣжно выдвигаетъ политическія силы и образованія именно такого типа и характера, какимъ въ Россіи отмѣчена конституціонно-демократическая партія. Вся новѣйшая исторія политическаго развитія Европы доказываетъ историческую необходимость такой партіи, какъ наша, и той политики, которой она держится. Вспомните, что такое, какъ не своего рода к.-д. партія, было то объединеніе, которое подъ названіемъ „блока“ — слово „блокъ“ оттуда и взято — преодолѣло преслѣдованіе Дрейфуса и вытащило Францію изъ реакціоннаго болота.

Пусть это „блокъ“, но этотъ блокъ есть самая прочная и самая прогрессивная тенденція во всемъ политическомъ развитіи западной Европы.

Воспомнимъ далѣе, что такое же по существу либеральное движеніе въ Англіи одержало блестящую побѣду на послѣднихъ выборахъ, побѣду, которая не имѣетъ себѣ аналогіи въ исторіи парламентскихъ выборовъ. Что такое было это движеніе, какъ не воспроизведеніе на почвѣ англійскихъ условій именно той партійной политики и той партійной организаціи, которая воплощается у насъ партіей народной свободы? И въ то же самое время, если мы видимъ, что демократическія идеи слабы въ Германіи и особенно слабы въ нѣкоторыхъ сѣверо-германскихъ государствахъ, то это объясняется именно тѣмъ, что тамъ отсутствуетъ этотъ „блокъ“, отсутствуетъ то объединеніе демократическихъ элементовъ, которое написала на своемъ знамени партія народной свободы и въ которомъ заключается, на мой взглядъ, идея, полная великаго историческаго смысла.

Демократизмъ въ Германіи слабъ. Почему? А именно потому, что тамъ единеніе демократическихъ элементовъ оказалось непрочнымъ и временнымъ, и наступило то распаденіе, которое предрекаютъ намъ тѣ, которые разсматриваютъ нашу партію, какъ непрочный, временный, скоро преходящій блокъ. Я повторяю, что если наша партія окажется временнымъ, непрочнымъ блокомъ, то это будетъ самымъ плачевымъ свидѣтельствомъ культурной и политической незрѣлости русскаго общества. Между тѣмъ, возвращаясь къ Германіи, я скажу,

что въ Германіи этотъ блокъ, распаденіе котораго предрекають намъ въ Россіи, по моему глубокому убѣжденію, подготовляется съ неотвратимой необходимостью.

Мы въ настоящее время присутствуемъ въ Германіи при процессѣ огромной исторической важности. Тамъ происходитъ крушеніе доктринальнаго соціализма: всякій внимательный наблюдатель развитія германскаго соціализма долженъ констатировать неудержимую тенденцію въ этомъ направленіи. Въ связи съ этимъ крушеніемъ должна измѣниться тактика германскаго соціалъ-демократизма и должны открыться перспективы для созданія именно того „блока“ общественныхъ силъ, который въ Россіи считается непрочнымъ.

Такимъ образомъ, я полагаю, мы можемъ съ полнымъ убѣжденіемъ отстаивать идею, что наша партія есть образованіе, исторически необходимое. Во всякомъ случѣ, мы не должны такъ легко, какъ многіе это дѣлаютъ, играть съ мыслью о возможномъ распаденіи въ Россіи такого объединенія демократическихъ силъ, которое на Западѣ является плодомъ долговременной борьбы, продуктомъ болѣзненнаго политическаго и соціальнаго опыта и которое далось намъ сразу, въ силу совершенно исключительныхъ, особыхъ условій развитія нашей общественной жизни.

Кромѣ идеи внѣклассоваго объединенія демократическихъ элементовъ на широкой либе альной и демократической программѣ, въ основаніи нашей партіи лежитъ несомнѣнно и другая важная идея, на мой взглядъ всецѣло опредѣляющая ея тактику. Это — идея эволюціонная. Я долженъ сказать, что вообще споръ между эволюціонизмомъ и революціонизмомъ для меня представляется не простымъ партійнымъ и не внутри-партійнымъ споромъ, а тяжбою между двумя глубоко различными философскими міросозерцаніями.

Я считаю, что когда я отстаиваю эволюціонную точку зрѣнія, то я говорю одинаково убѣдительно какъ для представителей конституціонно-демократической партіи, такъ и для представителей партіи соціалъ-демократической,— одинаково убѣдительно или одинаково неубѣдительно. Можно быть настоящимъ соціалъ-дамократомъ, т.-е. стоять за идею классовой борьбы, какъ руководящую идею политики, и въ то же самое время начисто отрицать революціонизмъ. Споръ между эво-

люціонизмомъ и революціонизмомъ есть столкновеніе міровоззрѣній, столкновеніе точекъ зрѣнія, которыя могутъ встрѣчаться въ самыхъ различныхъ партійныхъ окраскахъ.

Я бы опредѣлилъ основное разногласіе между эволюціонизмомъ и революціонизмомъ подъ политическимъ угломъ зрѣнія такъ: эволюціонизмъ понимаетъ политику, какъ *воспитаніе*, революціонизмъ понимаетъ политику, какъ *принужденіе*. Революціонизмъ основанъ на идеѣ, что въ политикѣ рѣшающимъ факторомъ является состязаніе физическихъ силъ. Эволюціонизмъ основанъ на идеѣ, что такимъ факторомъ является духовное перевоспитаніе людей. Такимъ образомъ, въ философскомъ смыслѣ противоположеніе революціонизма и эволюціонизма гораздо значительнѣе и глубже случайнаго политическаго противоположенія „революціонеровъ" и „умѣренныхъ".

Съ этой точки зрѣнія, какъ это ни звучитъ парадоксально, къ категоріи „революціонизма" должна всецѣло отойти такая, напримѣръ, фигура, какъ фонъ-Плеве, и съ другой стороны, въ категорію эволюціонизма, по основной мысли своихъ произведеній, входитъ Л. Толстой, потому что руководящая идея соціальнаго строительства Л. Толстого есть идея, что въ основѣ политическаго совершенствованія общества должно лежать воспитаніе личности.

Такимъ образомъ, я бы сказалъ, что „революціонизмъ", какъ таковой, есть по существу своему полицейская идея съ противоположнымъ знакомъ. Ибо вѣра въ силу физическаго удара или физическаго превосходства по существу своему тождественна съ вѣрой въ силу полицейскаго приказа, который тоже силенъ лишь постольку, поскольку за нимъ стоитъ принужденіе. Итакъ, разногласіе эволюціонизма и революціонизма есть разногласіе между политическими міросозерцаніями принужденія и воспитанія. Разногласіе это огромное, его никогда не слѣдуетъ, да и невозможно замазывать. Между этими міросозерцаніями не можетъ быть компромисса, потому не можетъ быть компромисса, что въ сущности эти міросозерцанія представляютъ собою два возраста соціологической мысли, а между двумя возрастами мысли компромисса быть не можетъ; можетъ быть послѣдовательность, но не можетъ быть примиренія.

Переходя къ дальнѣйшей харакеристикѣ революціонизма, я сказалъ бы, что революціонизмъ есть міросозерцаніе грубо-

утопическое. Это міросозерцаніе, съ одной стороны, грубо упрощаетъ сложную и тонкую дѣйствительность человѣческой общественности, многообразную и многогранную соціальную психологію. А, съ другой стороны, революціонизмъ утопически вѣритъ въ физическую силу толпы. Онъ утопиченъ потому, что онъ нетерпѣливъ, а нетерпѣливъ онъ потому, что онъ не понимаетъ того, что общественная эволюція, какъ процессъ воспитанія, не знаетъ чудесъ, чудесныхъ превращеній, по существу своему работаетъ медленно и постепенно. Изъ этой общей философской и психологической характеристики революціонизма вытекаетъ другая, въ высшей степени характерная и, въ русскихъ условіяхъ, особенно опасная его черта (опасная, впрочемъ, не только въ русскихъ условіяхъ, но, какъ я изъ непосредственныхъ наблюденій убѣдился, даже въ условіяхъ такого развитаго общества, какъ французское). Эта черта — недовѣріе революціонизма къ работѣ представительныхъ учрежденій.

А что же такое работа представительныхъ учрежденій? Если они организованы сколько нибудь правильно и органически связаны съ націей, то ихъ работа есть одинъ изъ важнѣйшихъ органовъ политическаго воспитанія и, еще точнѣе, политическаго самовоспитанія націи. Не довѣряя представительнымъ учрежденіямъ потому, что онъ не вѣритъ въ политическое воспитаніе, революціонизмъ эту медленную, постепенную, недостаточно радикальную, недостаточно бьющую работу желаетъ замѣнить быстро дѣйствующими „выступленіями“ толпы. Революціонизмъ самыхъ различныхъ типовъ, отъ революціонизма парижской городской „общины“ въ эпоху великой революціи и до революціонизма современныхъ анархистовъ и антипарламентарныхъ коммунистовъ, всегда держался за эту идею прямого, непосредственнаго дѣйствія массъ,— за то, что французскіе анархисты называютъ action directe. Въ этой вѣрѣ въ непосредственное дѣйствіе массъ заключается совершенно утопическая идея.

Что такое есть это непосредственное дѣйствіе массъ, если конкретно въ него вдуматься? Непосредственное дѣйствіе массъ, какъ таковыхъ, есть по существу дѣйствіе массъ, какъ толпы. Если мы задумаемся реально надъ тѣмъ, какова можетъ быть сила и значеніе непосредственно дѣйствующей толпы,

то мы увидимъ, что толпа есть всегда, я сказалъ бы, по самому существу своему, скопище неорганизованное. И потому она всегда слабѣе всякаго скопища организованнаго. А это значитъ: въ реальныхъ условіяхъ, при столкновеніяхъ съ организованной властью и ея орудіями, толпа всегда съ необходимостью будетъ слабѣе скопища организованнаго, выдвигаемаго противъ нея существующей властью, если эта власть не разложилась еще окончательно, еще не совершенно подточена, а такія условія бываютъ сравнительно рѣдко въ настоящее время. И потому при столкновеніи неорганизованное скопище всегда должно, въ концѣ концовъ, оказаться побѣжденнымъ скопищемъ организованнымъ, т.-е. полиціей или войсками.

Но помимо утопичности, т.-е. недѣйствительности этого средства, какъ сводящагося къ борьбѣ неорганизованной силы съ организованной, оно всегда лишено въ основѣ своей воспитательнаго значенія: оно сводитъ общественную борьбу именно къ тому состязанію физическихъ силъ, которое противорѣчитъ идеѣ политики, какъ воспитанія общественнаго человѣка.

Я попытаюсь теперь въ краткомъ резюме свести воедино идейныя основы нашей партійной позиціи.

Наша партія *либеральная:* она отстаиваетъ свободу личности. И въ то же время она отстаиваетъ начало свободы личности для *всякой* личности и потому она *демократична*. И, въ силу этого, въ реально-политическомъ смыслѣ, она вовсе не отрицаетъ, а наоборотъ, утверждаетъ въ своей программѣ дѣйственную, практическую идею *соціализма*. Въ то же время она есть партія не классовая, а *національная*. Она стремится объединить всѣ живыя прогрессивныя силы націи и этимъ объединеніемъ поставить ихъ всѣ на службу *идеѣ цѣлостнаго національнаго возрожденія*. Она *эволюціонна*, а не революціонна. Это значитъ: какъ бы ни смотрѣли отдѣльныя лица, какъ бы ни увлекались они тѣми или другими условіями момента, въ основѣ политическаго міросозерцанія нашей партіи можетъ лежать только идея политики, какъ воспитанія, а не какъ принужденія общественнаго человѣка.

Такова та широта захвата, какой отличается наша партія, партія не классовая, а національная, партія либеральная и

въ то же время не отрицающая соціализма. Такая широта идейнаго захвата несомнѣнно дѣлаетъ въ высшей степени труднымъ объединеніе людей въ одну партію. Но, быть можетъ, не было еще никогда момента въ нашей новѣйшей русской исторіи, когда принадлежность къ широкой, большой политической партіи была бы столь обязательна; когда повелительная необходимость держаться сомкнутымъ строемъ была бы такъ велика и такъ ясна. Какъ бы не было трудно каждому изъ насъ подчиняться пріемамъ и методамъ партіи въ тотъ или другой моментъ, какъ бы подчасъ каждый изъ насъ ни расходился съ тѣми или другими элементами партіи, тѣмъ не менѣе каждый изъ насъ долженъ чувствовать въ настоящее время абсолютную нравственно-политическую обязательность крѣпко держаться за партію. Ибо при тѣхъ исключительно трудныхъ обстоятельствахъ, въ которыя поставлена теперь Россія, только сплоченное дѣйствіе демократическихъ общественныхъ элементовъ можетъ вывести нашу страну на путь дѣйствительнаго обновленія и здороваго развитія. Какъ бы каждый изъ насъ ни желалъ сохранить свою индивидуальную независимость, онъ долженъ помнить, что принадлежность къ партіи и дѣйствіе въ сомкнутомъ ряду является въ настоящее время прямо-таки этической обязанностью въ отношеніи къ высшимъ интересамъ всей страны.

Я пытался охарактеризовать передъ вами въ общихъ чертахъ то міросозерцаніе, которое лежитъ въ основѣ нашей программы, какъ я его понимаю. Я думаю, что въ этомъ пониманіи, несмотря на его субъективную окраску, все-таки есть достаточно элементовъ, на которыхъ мы объединяемся. За это пониманіе намъ приходится считаться съ тѣмъ, что насъ посрамляютъ ужасными кличками „буржуа" и „постепеновцы" и даже самой ужасной — „либералы".

Я думаю, что намъ не слѣдуетъ вовсе бояться никакихъ худыхъ прозвищъ, даже прозвища „либералы", а слѣдуетъ намъ бояться поверхностныхъ и ложныхъ идей, бояться словесныхъ провозглашеній и пуще всего бояться того опьяненія словесными провозглашеніями, въ которомъ утрачивается самое важное и самое цѣнное для политическаго дѣятеля чувство, — чувство политической отвѣтственности.

Я — „буржуа"!... Почему? Агитаціонныя собранія научили меня этому. Я могу разсказать, какъ въ одномъ изъ агитаціонныхъ собраній, происходившемъ на Выборгской сторонѣ въ Петербургѣ, я былъ облитъ презрѣніемъ, какъ буржуа, за то, что я доказывалъ совершенную невозможность и противокультурность экспропріаціи частновладѣльческихъ земель безъ вознагражденія. Вотъ случай, который можетъ быть иллюстраціей того, какъ наше міросозерцаніе отличается отъ міросозерцанія тѣхъ, кто насъ посрамляетъ такими кличками.

Почему невозможна экспропріація безъ вознагражденія? Я указалъ на простую вещь, что экспропріація частновладѣльческихъ земель безъ вознагражденія равносильна превращенію въ оберточную бумагу ипотечныхъ обязательствъ на 1 милліардъ 900 милліоновъ рублей; превращеніе въ оберточную бумагу почти двухъ милліардовъ будетъ равносильно огромному финансовому кризису, равносильно разрушенію государственнаго и всего частнаго кредита. Оно произведетъ такое экономическое опустошеніе, такія бѣдствія, которыхъ удовольствіе отобранія безъ вознагражденія частновладѣльческихъ земель ни въ коемъ случаѣ не можетъ окупить. Вотъ за что насъ называютъ „буржуа"!

Затѣмъ въ одномъ агитаціонномъ собраніи, происходившемъ въ одномъ крупномъ промышленномъ центрѣ, мнѣ пришлось подвергнуться подобному же посрамленію за то, что я говорилъ, что 8-мичасовой рабочій день не можетъ быть сразу введенъ въ жизнь по велѣнію „учредительнаго собранія", во всѣхъ предпріятіяхъ.

Вотъ почему, вотъ за какія вины насъ именуютъ „буржуа". Мы тщательно взвѣшиваемъ каждое наше обѣщаніе, пристально задумываемся надъ каждымъ требованіемъ, къ намъ обращеннымъ. Когда насъ на этомъ грѣхѣ ловятъ, то говорятъ, что мы „буржуа". Почему? Потому что мы отказываемся давать массамъ безсмысленныя и безсовѣстныя обѣщанія.

Еще недавно меня охарактеризовали въ посрамительномъ смыслѣ кличкой „примиренца". Если отказъ давать безсмысленныя и безсовѣстныя обѣщанія есть примиренство, то я категорически заявляю, что я „примиренецъ". Мы всѣ въ этомъ смыслѣ примиренцы. Насъ въ этомъ обвиняютъ и это

совершенно справедливое обвиненіе, поскольку оно означаетъ, что въ основаніи всего нашего политическаго міросозерцанія лежитъ понятіе общественной эволюціи и политическаго преобразованія, какъ *процесса воспитанія общественнаго человѣка*.

Когда васъ будутъ упрекать въ томъ, что вы „постепеновцы“ и эволюціонисты, возьмите въ руки эту книгу: посмертныя сочиненія Герцена. Въ ней вы найдете завѣты великаго русскаго публициста, въ ней вы найдете политическое и соціально-политическое завѣщаніе Герцена. Это завѣщаніе великаго русскаго либерала и великаго русскаго соціалиста есть лучшее въ міровой литературѣ, геніальное оправданіе эволюціонизма. Я говорю о томъ произведеніи, которое было напечатано послѣ смерти Герцена и представляетъ собою его письма къ старому его другу и товарищу Бакунину[1]). Это небольшое произведеніе есть неисчерпаемая сокровищница глубочайшихъ политическихъ и соціально-политическихъ мыслей.

Я позволю себѣ показать вамъ на цитатахъ изъ этого произведенія, въ чемъ заключается существо нашего міросозерцанія. Въ своихъ письмахъ къ Бакунину, написанныхъ незадолго до смерти, Герценъ вскрылъ то глубокое разногласіе, которое существовало между нимъ, умудреннымъ опытомъ соціальнымъ эволюціонистомъ, и Бакунинымъ, революціонистомъ-романтикомъ и грубо-революціоннымъ утопистомъ. Герценъ писалъ Бакунину:

„Знанія и пониманія не возьмешь никакими coup d'état и никакими coup de tête. Медленность, сбивчивость историческаго хода пониманія насъ бѣситъ и душитъ, она намъ невыносима, и многіе изъ насъ измѣняя собственному разуму, торопятся и торопятъ другихъ. Хорошо ли это или нѣтъ? Въ этомъ весь вопросъ. Слѣдуетъ ли толчками возмущать съ цѣлью ускоренія внутренней работы, которая очевидна? Сомнѣнія нѣтъ, что акушеръ можетъ ускорять, облегчать, устранять препятствія, но въ извѣстныхъ предѣлахъ, а ихъ трудно установить и страшно переступать. На это, сверхъ логическаго самоотверженія, надобенъ тактъ и вдохновенная импровизація. Сверхъ того, не вездѣ одинаковая работа и одни предѣлы. Петръ I, конвентъ научили насъ шагать семимильными сапогами, шагать изъ перваго

---

[1]) „Письма къ старому товарищу“ (1869 г.). Сборникъ посмертныхъ статей А. И. Герцена. Изд. 2-е, Женева, 1874, стран. 288—312.

мѣсяца беременности въ девятый и ломать безъ разбора все, что попадется на дорогѣ „Страсть разрушенія есть творческая страсть“ [1]) и впередъ за неизвѣстнымъ богомъ-истребителемъ, спотыкаясь на разбитыя сокровища, вмѣстѣ со всякимъ мусоромъ и хламомъ“.

Дальше Герценъ вспоминаетъ ужасный опытъ іюньскаго возстанія, свидѣтелемъ котораго онъ былъ, возстанія французскаго революціоннаго пролетаріата:

„Мы видѣли грозный примѣръ кроваваго возстанія, въ минуту отчаянія и гнѣва сошедшаго на площадь и спохватившагося на баррикадахъ, что у него нѣтъ знамени. Сплоченный въ одну дружину, міръ консервативный побилъ его. Вслѣдствіе этого было то ретроградное движеніе, котораго слѣдовало ожидать. Но что было бы, если бы побѣда стала на сторону баррикадъ? Въ двадцать лѣтъ грозные бойцы высказали ли все, что у нихъ было за душой? Ни одной построяющей, органической мысли мы не находимъ въ ихъ завѣтѣ, а экономическіе промахи не косвенно, какъ политическіе, а прямо и глубже ведутъ къ разоренію, къ застою, къ голодной смерти“.

„Общее постановленіе задачи, — говоритъ дальше Герценъ, — не даетъ ни путей, ни средствъ, ни даже достаточной среды. Насиліемъ ихъ не завоюешь. Подорванный порохомъ весь міръ буржуазный, когда уляжется дымъ и расчистятъ развалины, снова начнетъ съ разными измѣненіями *какой-нибудь буржуазный міръ*, потому что онъ внутри *не конченъ и потому еще, что ни міръ построяющій*, ни новая организація не настолько готовы, чтобы пополниться, осуществляясь. Ни одна основа изъ тѣхъ, на которыхъ покоится современный порядокъ которыя должны рухнуть и пересоздаться, не настолько еще почата и расшатана, чтобы ее достаточно было вырвать силой, чтобы исключить изъ жизни... Пусть каждый добросовѣстный человѣкъ самъ себя спроситъ, готовъ ли онъ. Такъ ли ясна для него организація, къ которой мы идемъ, какъ общіе идеалы коллективной собственности, солидарности? Знаетъ ли онъ процессъ (кромѣ простого ломанья), которымъ должно совершиться превращеніе въ нее старыхъ формъ? Пусть, если онъ лично доволенъ собою, пусть онъ скажетъ, готова ли та среда, которая по положенію должна первая ринуться въ дѣло“.

Дальше, останавливаясь на особенностяхъ экономическаго переворота, Герценъ говоритъ:

„Экономическій переворотъ имѣетъ необъятное преимущество передъ всѣми религіозными и политическими революціями въ трезвости своей основы. Таковы должны быть и пути его, таково и обращеніе съ данными. По мѣрѣ того, какъ онъ выростаетъ изъ состоянія не-

---

[1]) „Die zerstörende Lust ist eine schaffende Lust“— цитата изъ одного нѣмецкаго произведенія Бакунина, относящагося къ 40-мъ годамъ.

опредѣленнаго страданія и недовольства, онъ невольно становится на реальную почву. Тогда какъ всѣ другіе перевороты постоянно оставались одной ногой въ фантазіяхъ, мистицизмѣ, вѣрованіяхъ и неоправданныхъ предразсудкахъ — патріотическихъ, юридическихъ и пр., экономическіе вопросы подлежатъ математическимъ законамъ".

Дальше онъ говоритъ:

„Конечно, математическій, какъ и всякій научный законъ, носитъ доказательство въ самомъ себѣ и не нуждается ни въ эмпирическомъ оправданіи, ни въ большинствѣ голосовъ. Но для приложенія эмпирическая сторона и всѣ внѣшнія условія осуществленія выступаютъ на первый планъ. „Мотивы могутъ быть истинны, но безъ достаточныхъ средствъ они не осуществятся" (Бентамъ). Все это принято во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ и обходится слишкомъ сангвиническими людьми въ дѣлѣ такого значенія, какъ общественное пересозданіе. Какой механикъ не знаетъ, что его выкладка, формула не перейдетъ въ дѣйствительность, пока въ ряду явленій, захватываемыхъ имъ, будутъ элементы, не подчиняющіеся, посторонніе или подлежащіе другимъ законамъ. Большей частью въ физическомъ мірѣ эти возмущающіе элементы несложны и легко вводятся въ формулы, какъ вѣсъ линіи маятника, упругость среды, въ которой дѣлаются его размахи, и пр. Въ мірѣ историческаго развитія это не такъ просто. Процессы общественнаго роста, ихъ отклоненія и уклоненія и ихъ послѣдніе результаты до того переплелись, до того неразымчато вошли въ глубочайшую глубь народнаго сознанія, что приступъ къ нимъ вовсе не легокъ, что съ ними надобно очень считаться и однимъ реестромъ отрицанія, отданнымъ какъ въ приказѣ по социальной арміи, ничего, кромѣ путаницы, не сдѣлаешь".

Развивая дальше этотъ рядъ мыслей, который я не могу, къ сожалѣнію, воспроизвести передъ вами во всей его подробности и, я сказалъ бы, во всей красотѣ соединенія глубины мысли съ художественнымъ блескомъ формы, развивая этотъ рядъ мыслей, который для насъ и для всего русскаго общества долженъ быть особенно дорогъ, какъ послѣднее слово окончательно зрѣлой мысли великаго мыслителя-художника, Герценъ говоритъ:

„Я нисколько не боюсь слова „постепенность", опошленнаго шаткостью и невѣрнымъ шагомъ разныхъ реформирующихъ властей. Постепенность также, какъ непрерывность, неотъемлема всякому процессу разумѣнія. Математика передается постепенно, отчего же конечные выводы мысли о соціологіи могутъ прививаться, какъ оспа, или вливаться въ мозги такъ, какъ вливаютъ лошадямъ лѣкарство въ ротъ сразу. Между конечными выводами и современнымъ состояніемъ есть практическія облегченія пути, компромиссы и діагонали (буквально такъ: „компромиссы!") Понять, которыя изъ нихъ ко-

роче, удобнѣе и возможнѣе — дѣло практическаго такта, дѣло революціонной стратегіи. Идя безъ оглядки впередъ, можно затесаться, какъ Наполеонъ въ Москву и погибнуть, отступая отъ нея, не доходя даже до Березины".

Дальше Герценъ разсматриваетъ основныя требованія соціализма и показываетъ, въ какой мѣрѣ *общія формулы соціализма неприложимы къ той дѣйствительности*, на которую желаютъ именно этими формулами воздѣйствовать. Я прочитаю вамъ только то заключеніе, въ которомъ выражается вся глубина пониманія и вся та — я бы сказалъ — стоическая искренность, съ которой Герценъ писалъ свое завѣщаніе:

„Стоя возлѣ труповъ, возлѣ ядрами разрушенныхъ домовъ, слушая въ лихорадкѣ, какъ разстрѣливали плѣнныхъ, я всѣмъ сердцемъ и всѣми помышленіями звалъ дикія силы на месть, на разрушеніе старой преступной веси, звалъ, даже не очень думая, чѣмъ она замѣнится. Съ тѣхъ поръ прошло двадцать лѣтъ. Месть пришла съ другой стороны, месть пришла сверху. Народы все вынесли, *потому что ничего не понимали* ни тогда, ни послѣ. Средина вся растоптана и втоптана въ грязь... Длинное, тяжелое время дало досугъ страстямъ успокоиться и мыслямъ отстояться, дало досугъ на обдуманіе и наблюденіе. Ни ты, ни я — мы не измѣнили нашихъ убѣжденій, но разно стали къ вопросу. Ты рвешься впередъ по прежнему со страстью разрушенія, которую принимаешь за творческую страсть... ломая препятствія и уважая исторію только въ будущемъ. Я не вѣрю въ прежніе революціонные пути и стараюсь понять *шагъ людской* въ быломъ и настоящемъ, для того, чтобы знать какъ идти съ нимъ въ ногу, не отставая и не забѣгая въ такую даль, въ которую люди не пойдутъ за мною и не могутъ идти... Высказать это въ томъ кругу, въ которомъ мы живемъ, требуетъ если не больше, то, конечно, не меньше мужества и самостоятельности, чѣмъ брать во всѣхъ вопросахъ самую крайнюю крайность."

Въ дальнѣйшемъ письмѣ я хочу еще подчеркнуть одно мѣсто:

„...Я не вѣрю, — писалъ Герценъ Бакунину, — въ серьезность людей, предпочитающихъ ломку и грубую силу развитію и сдѣлкамъ (буквально такъ: „сдѣлкамъ!" П. С.). Проповѣдь нужна людямъ, проповѣдь неустанная, проповѣдь, равно обращенная къ работнику и хозяину, къ земледѣльцу и мѣщанину. Апостолы намъ нужны прежде авангардныхъ офицеровъ, прежде саперовъ разрушенія. Апостолы, проповѣдующіе не только своимъ, но и противникамъ. Проповѣдь къ врагу — великое дѣло любви. Они не виноваты, что живутъ внѣ современнаго потока, какими-то просроченными векселями прежней нравственности. Я ихъ жалѣю, какъ больныхъ, какъ по-

врежденныхъ, стоящихъ на краю пропасти, съ грузомъ богатствъ, который ихъ стѣсняетъ, который ихъ стянетъ въ нее. Имъ надобно раскрыть глаза, а не вырвать ихъ, чтобы они спаслись, если хотятъ. Греки радикальнѣе насъ говорили: мудрому законъ не нуженъ, его разумъ — законъ. Ну, такъ и начнемъ съ того, что сдѣлаемъ сами себя и другъ друга мудрыми".

Въ цитируемомъ произведенiи Герцена съ поразительной ясностью и глубиной проведена именно та идея, которую я считаю центральной идеей нашей партiи, *идея политическаго воспитанiя общественнаго человѣка*. И поэтому, когда васъ будутъ обвинять въ „буржуазности" и „постепеновщинѣ", отвѣтьте нашимъ обличителямъ глубоко обдуманными и выстраданными всею жизнью мужественными словами Герцена: „Я нисколько не боюсь слова „постепенность". Когда васъ будутъ упрекать, что вы стоите за „сдѣлки" и впадаете въ „компромиссы",—отвѣтьте своимъ обличителямъ словами Герцена: „Я не вѣрю въ серьезность людей, предпочитающихъ ломку и грубую силу развитiю". Скажите имъ вмѣстѣ съ Герценомъ, что „между конечнымъ выводомъ и современнымъ состоянiемъ есть практическiя облегченiя пути, компромиссы и дiагонали".

Слово „компромиссъ", которымъ такъ легко швыряются въ наше время, двусмысленно и даже многосмысленно. Не забывайте никогда и постоянно повторяйте, что развитiе демократiи есть цѣпь компромиссовъ, ибо сама демократiя есть, какъ мѣтко указалъ Бернштейнъ, „высшая школа компромисса", ибо воспитанiе есть не что иное, какъ система психологическихъ компромиссовъ. Но помните въ то же время, что никакая идея воспитанiя не можетъ оправдывать примиренiя съ насилiемъ и насильничествомъ, откуда бы оно ни исходило. Никогда мы не должны этого забывать. Никогда мы не должны забывать, что — во имя высшихъ началъ и цѣлей, которыми живетъ и должна жить наша партiя — мы обязаны оставаться непримиримыми врагами насильничества. Но также обязаны мы быть непримиримыми врагами трусливыхъ и безчестныхъ компромиссовъ съ ложью, въ какiя бы соблазнительныя одежды она ни облекалась, и никогда не сдаваться на капитуляцiю незрѣлой мысли, какимъ бы престижемъ она не обладала въ данный моментъ. Во имя

демократіи, стоите непримиримо противъ всякой демагогіи! Вашей руководящей идеей должна быть мысль, что честная политика, основанная на правдѣ и справедливости, есть въ своемъ существѣ не что иное, какъ воспитаніе общественнаго человѣка, а воспитаніе и самовоспитаніе не можетъ быть основано на сдѣлкахъ съ ложью!

Петръ Струве.
